

СЛУЧАЙ свел меня с «Пименом» и «Василисой Премудрой» — так называли Софью Ивановну соседки и служащие комбината бытового обслуживания, где она работала. Иногда добавляли и другое — «Сократ», на что Софья Ивановна обижалась:

— К пережиткам прошлого никакого отношения не имею.

Собрали почти все из публикуемого в периодике о Василии Макаровиче, Софья Ивановна, когда заходила речь о нем, такие подробности из биографии Шукшина любопытным выкладывала, что все диву давались: и откуда что берется?

Ей все время хотелось написать Шукшину письмо, подробное, исповедальное, как на духу, все рассказать о себе, о том, как Василий Макарович скрасил ее одиночество, какое потепление произошло в ее женской судьбе.

Через день работала на комбинате бытового обслуживания, выдавала чистые простыни, полотенца и другие необходимые принадлежности в номера, где были в одной комнате парилка, в другой — шестиметровый бассейн. И кого только не встречала здесь Софья Ивановна, всех перечислить времени не хватит. Из мира кино клиентов особо выделяла. От них-то и узнавала неизвестное из жизни и творческой судьбы Василия Макаровича.

А тут — бах! — умер. Умер Шукшин. Гром грянул среди ясного неба.

Товарики по дому и работе спрашивали о последних днях жизни Василия Макаровича. Не знала их Софья Ивановна. Из газет вычитала — был под Волгоградом, умер на пароходе в каюте. А она не верила: что-то не так, не то...

На панихиду в Дом кино отпросилась безболезненно с работы, потому что сослуживцы благодаря Софье Ивановне были семьями ярыми поклонниками Шукшина. Они поручили ей даже возложить прощальный венок от их организации.

Отстояла часовую очередь. Но перед самым носом вход в Дом кино перекрыли, а венок велели положить на грузовую машину, где лежала гора таких же. На такси ломчалась на Новодевичье кладбище.

Ни разу не видела Софья Ивановна этого человека, как говорится, «живьем» и дала себе слово любой ценой увидеть Шукшина, хотя бы в гробу, положить на грудь кисти калины, за которыми съездила в осенний подмосковный лес.

Море людей теснилось у Дома кино, не меньше и на кладбище — протолкнуться нельзя было.

Какой ценой прорвалась Софья Ивановна к красному гробу, одному богу известно.

— Кто его последним видел? — тихонько спросила у соседа с надеждой узнать побольше.

— Не знаю. Спросите на киностудии, — одними губами ответил человек, смахнув скупую слезу с небритой щеки, и отвернулся от женщины, откровенно и угрюмо глядя поверх человеческих голов.

«Сердешный ты наш!» — вздохнула судорожно Софья Ивановна, провсая взглядом плывущий над толпой гроб.

СОСЕД небритого, наоборот, был нервно возбужден, не переставая, болтал и, прислушившись, Софья Ивановна уловила — говорит не о чем-то постороннем, про Шукшина.

— В холерный год это было. Помнишь, арбузы, помидоры и другую овощи горами на юге жгли? А Василь Мака-

рович под Астраханью натурой выбирал для Стеньки. Разинто с монахами местными был в дружбе. Жил Шукшин в гостинице, забыл уж ее название. Сам знаешь, ездить мне приходится много, всего не упомянуть. А тут в Астрахани какое-то областное совещание. И в здании напротив. Машины туда одна за другой подъезжают. Люди всякие важные собираются. А Шукшин в домашних тапочках на босу ногу сидит на краю канавы и наблюдает все это.

— Чего он в этой канаве делал? — спросил грозно небритый.

— Отдыхал... — засуетился маленький его товарищ. — Отдыхал. А что, нельзя? Там

была разрешиться от своего благодатного бремени. Встретились они взглядами и прочли друг у друга в глазах одно и то же — озабоченность.

— Обидел кто? — спросил «белый халат».

Софья Ивановна кивнула. И поделилась своей неприятностью. Поверила сразу незнакомке: лицо было приветливым, располагающим.

— Мне что, рожать в этой кастелянной?! — вдруг завопила негодующе женщина. — Как это нет работы? А на мое место? Я ж уйти не могу из-за того, что никого не находится на мое место. Всем по-давай артисток, режиссеров, директоров, а в кастелянную — никого. Ну-ка, пошли, я сей-

какая стояла! Устал он шибко. Василий Макарович ведь все годы работал на износ, а тут в ответ: у нас план, график горит, сдача на носу! Он мог ведь махнуть на все и уехать, а вот остался. Именно эти два дня и доконали человека! Ночью крик, Светка, помремж, завопила. Кстати, она тоже видела последней Шукшина. Вбежали мы в каюту, а он лежит, бедолага, рубаха чуть расстегнута на груди, и рукой за сердце держится. Словно просит: «Погоди, дружище, останавливаться, я еще многое не успел досказать».

— Вы заслуженный артист РСФСР или СССР? — осторожно поинтересовалась Софья Ивановна, проникаясь невольной симпатией к этому отзывчивому и словоохотливому человеку.

— Я почетный артист всех самых грандиозных киношных массовок, начиная с «Броненосца Потемкина» и кончая «Уленшпигелем». Сами знаете, даже мизгирь, пока доберется до потолка, не раз соскользнет со стены на пол и упадет. Так и Шукшин, пока добрался до потолка своего, сердце износил до основания. Оно ведь у него было, как у столетнего старика. Анатомиы сказали, что и умереть-то он должен был не в сорок пять лет, а в сорок. На чем держался пять лет, никто не ответит. Да тут еще постоянно: «Куда прешь в кирзовых сапогах?» И барьер очередной перед грудью. Брал он, брал эти барьеры-то, да и надорвался. Двух дней не дали! Именно двух дней ему и не хватило, чтоб еще прожить столько же...

И ЗАТЯНУЛСЯ дымом жадно длинноносый «старый гез», вытер полосатым кончиком чулка-колпака нос, загасил сигарету о деревянную подошву и зашумел на ассистента:

— Это в каком вас вузе учили, чтоб нищие гезы смеетелиться, как в трагедии Шекспира? Нищие гезы — это смех и веселье назло слезам, — и бесшабашно прошелся на руках среди бегающих по павильону инкубаторских кур, цесарок, гусей, ишаков, без которых невозможно было, конечно же, представить в кинофильме изображаемых фламандцев.

Все стало ясным для Софьи Ивановны. Ровно десять лет следила она за творчеством Василия Шукшина, ровно столько же она внутренне писала ему письмо. И все не находила нужных слов. А тут села в уголок, за какую-то крашеную бочку, и слова сами полились.

«Уважаемый Василий Макарович! Сынок наш дорогой! Долго ты шел к сердцу народному, и времени у тебя было мало, и отдохнуть тебе не давали, и барьеры на пути ставили: «Мол, куда ты в кирзовых-то сапогах?», но об эти ноги-то и споткнулись, да и носом в землю. Ткнулись когда в нее, поняли, чем пахнет родная наша кормилица. Низкий поклон тебе от осиротевшей земли. Она тебя помнит и чит!».

И унесла Софья Ивановна утром на Новодевичье кладбище свое послание, положила среди цветов, которые не увядали и зимой на этой дорогой и священной могиле.

А кастелянша, работавшая на киностудии, разрешилась вскоре мальчиком, и назвала его по настоянию Софьи Ивановны Васей. И это Софья Ивановна видела последней Шукшина, мой вывод подтвердит вся наша улица и баня, в которую Фенько вернулась работать все в той же должности.

Тамара ПОНОМАРЕВА

Кто видел последним Шукшина

ведь асфальта нет, земля в канаве-то. А Василь Макарович без нее не мог. Ноги болели, оттого и носил тапки в свободное от работы время, а во время труда — сапоги. Кирзовые. Кирзовые-то, они покрепче. И вот сидит он так на краю канавы, а мимо люди, машины! И никто на него никакого внимания! А все кого-то ждут. Толпятся и в здание не заходят...

— «Внимания!» — рассердился не на шутку небритый, просто закипая весь. — Много ему было внимания-то? У нас ведь оно — чаще после смерти.

— Да погоди ты!.. Сидит это он так, а тут бежит какой-то заполошный человек, — продолжал суетливый. — Прыг через канаву, запнулся за ноги Шукшина, побегал дальше, а Василь Макарович: «Погоди! Вернись!». А тот в ответ «Да иди ты! Мы тут Шукшина ждем, должен быть на вечер профсоюзных деятелей и как сквозь землю провалился... Не видел, случаем?» — «Вот и вернись, — говорит Василь Макарович. — Ты о ноги Шукшина запнулся...». И захихикал, довольно заозиравшись по сторонам.

— Балаболка! — коротко отреагировал небритый. — У вас все такие на киностудии? — Не все. Есть и такие, как Шукшин, — обиделся товарищ.

И решила Софья Ивановна устроиться на эту самую киностудию, чтобы разузнать побольше о Василии Макаровиче. Быстро рассчиталась с работы, не объясняя никому причины, и явилась в отдел кадров киностудии «Мосфильм».

Встретила Феньку длинная и худая, как жердь, женщина. Спросила:

— Знакомый кто есть?

— Где? — не поняла Софья Ивановна.

— Да на студии-то?

— Нет.

«Жердь» смерила Софью Ивановну с ног до головы таким взглядом, что просительнице все стало ясно.

Натолкнулась в коридоре у автомата с газированной водой на беременную женщину в белом халате, который уже не застегивался на животе: видно, вот-вот она должна

час такое устрою этой «Фанере Милосской».

И устроила — дым столбом стоял в отделе кадров от этого разговора. «Фанера Милосская», она же начальник отдела кадров, не глядя, подала Софье Ивановне «листок учета» и больше ни о чем не спросила.

ВЖИВАЛАСЬ новенькая сложно в незнакомый коллектив: все было странным, причудливым.

Исподволь Софья Ивановна пыталась выяснить, кто же последним видел Шукшина. Говорили разное: кто — Бурков, кто — Тихонов, кто — Бондарчук. Ничего нельзя было понять.

А тут фильм о Тиле Уленшпигеле начали снимать. Масовка большая потребовалась. Не хватало людей. Всех подряд подбирали — монтажниц, осветителей, костюмеров и одедали в нищие гезы. Грязные, драные ходили по коридорам, как пугала огородные: на студии от них шарахались даже виды видавшие киношники. И Софья Ивановна гуляла в каком-то допотопном рванье и смеялась в трюмо своему нелепому виду — кино и не до того доводило людей.

Один добротой ответил Софье Ивановне на ее вопрос о Шукшине, что Василия Макаровича видел последним самый старый гез с полосатым чулком на ноге и с другим таким же на голове. У геза, кстати, оказался самый длинный нос на киностудии.

И до этого человека Софья Ивановна добралась потихоньку и однажды тронула сзади за кончик полосатого чулка на голове (он болтался возле лопаток) и поманила за собой. Актер с длинным носом, из-за которого, будучи, несомненно, талантливым, он далеко так и не пошел, неожиданно ответил:

— Да я видел Шукшина последним!

— Говорят, Василий Макарович погиб из-за тромба в ноге, которую распарил перед этим в бане?

— Какой тромб? — вытаращил изумленно глаза «старый гез». — И какая баня? Было жарко, как в бане. Осень-то